

еще само собой разумеющимся, слова «дипломат» и «переводчик» были синонимами³¹, позднее появилась особая специальность переводчика, а в поздневизантийское время услуги специального переводчика, по-видимому, снова оказались излишними.

Круг вопросов, которые приходилось решать византийской дипломатии в этот период, был, несмотря на обилие дипломатических связей, довольно ограниченным. Из 245 внешнеполитических актов византийского правительства в период от Мануила II Палеолога до Константина XI, отраженных в источниках и зафиксированных в «регестах» (сообщаемых историками и хронистами сведениях о различных посольствах, а также подлинных документах официального характера, вышедших из императорской канцелярии), по крайней мере 80 имели своей непосредственной целью добиться от различных государств в той или иной форме помощи против турецкой угрозы. Если к этому присовокупить около 50 внешнеполитических актов, относящихся к созыву униатского собора и заключению унии, конечной целью которых, с точки зрения греков, было также получение от Латинского Запада помощи против турок, и 35 упоминаний о посольствах к турецкому султану для урегулирования отношений, то можно еще раз убедиться, что турецкий вопрос определял всю дипломатическую деятельность византийского государства указанного периода. Формы и размеры помощи, испрашиваемой византийцами, зависели от того, к какому государству они обращались.

Казалось бы, наиболее естественным союзником Византии должны были стать страны православного мира, и в источниках действительно можно {352} найти следы того, что византийский патриархат в середине XIV в. вынашивал планы если не «православной круазады», основой которой должен был стать международный исихазм³², то по крайней мере обширной оборонительной лиги. Времена переменились — торжествовал трезвый, реалистический взгляд на империю: политический ее авторитет упал; по мнению Д. Оболенского, «византийское сообщество государств» после 1282 г. сохранялось лишь как религиозное (православное) единство³³. Именно Михаил VIII, восстановитель империи, столь много сделавший для ее расширения и спасения, впервые прибегнул к таким трем новым дипломатическим акциям, которые уронили и его авторитет среди подданных, и значение Византии как оплота православия среди единоверных стран. Эти акции: заключение унии церквей в 1274 г., опора на наемные отряды татар-язычников, используемых в борьбе с христианами, и выдача замуж за татарского хана Ногая собственной (хотя и незаконной) дочери. Исихастский патриарх Филофей Коккин сделал немало для внутренней консолидации православной церкви, для укрепления приверженности балканских народов, народов Руси, Сирии и Египта идеалам православия. И тем не менее весь ход событий на Босфоре показал беспочвенность тех надежд, которые возлагались на «политический исихазм» как унифицирующий и консолидирующий принцип также и в политической сфере. Несмотря на все свое конфессиональное единство, православный мир, лишенный прочных экономических связей, не смог объединиться политически и встать на защиту Константинополя. Защищали его в последнюю минуту (и притом хорошо, не жалея жизней!) столь ненавистные византийцам латиняне-схизматики, ибо, отстаивая византийскую столицу, они тем самым защищали и свои торговые привилегии.

Понимая это, византийцы наибольшие надежды возлагали, как об этом говорится в одном патриаршем документе, адресованном митрополиту Киевскому и великому князю всея Руси и другим князьям, на христианскую Европу (ММ. II. Р. 360). От русских фактически ждали только εὐχρημοσύνην, милостыню, причём под словом «милостыня» всякий раз понималась денежная поддержка — единственная помощь, которую Византия получала из далекой Москвы. Отсутствие прочных связей Византии с Русью по государственной линии объяснялось не только внешнеполитическими причинами, обусловившими на столетие (с середины XIII до середины XIV в.) почти полное прекращение всяких отношений, но также тем, что русские князья и в XI—XII вв. не были слишком тесно связаны с «семьей государей», которые толпились вокруг византийского императора как главы христианской ойкумены. Тем более это характерно для XIV и XV вв., когда перемещение центра тяжести русской экономической и политической жизни на север проложило зону торговой, экономическо-политической и военной

³¹ Κύριος Κ. Π. *Op. cit.* Σ. 112.

³² *Nastase D. Le mont Athos et la politique du patriarcat de Constantinople, de 1355 à 1375 // Σύμμεκτα. 1979. Т. 3. Σ. 121—177.*

³³ *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500—1453. 2-e ed. L., 1982. P. 45.*